

Среда, 30 июля 1997 г.

Руфус Скримджер откинулся на спинку офисного кресла и глубоко вздохнул. Он положил файл, который читал, обратно на стол и потер лицо обеими руками. Он читал еще один отчет своих авроров о местонахождении и действиях Лорда Волан-де-Морта, но этот был очень похож на бесчисленные предыдущие отчеты, которые он читал; много спекуляций, обоснованных догадок и, что особенно важно, очень мало вещественных или неопровержимых фактов.

Руфус оглядел свой кабинет, хотя, по правде говоря, это был не совсем его кабинет. Официально это был офис министра магии; он был всего лишь несчастным человеком, которому довелось занять эту должность в данный момент. Примерно в тысячный раз с тех пор, как он был назначен на этот пост, он задавался вопросом, как ему вообще удалось достичь вершины политической власти в британском магическом мире. Несмотря на то, что многие думали, он никогда не был заинтересован в том, чтобы занимать высокий пост. Он был назначен главой аврорского отдела почти пятнадцать лет назад. Якобы он был вознагражден этой должностью за годы успешной верной службы и приверженности отделу. На самом деле он знал, что это потому, что он стал слишком стар, чтобы гоняться за темными волшебниками и ведьмами по всей стране. Единственным другим серьезным соперником в то время был Грозный Глаз Грюм, и его хорошо известные идиосинкразии всегда исключали его.

В то время он считался безопасным, хотя и скучным назначением, но его управление этой ролью оказалось очень успешным, поскольку Отделение авроров выслеживало остатки сторонников Волдеморта после первой войны. Этот успех, в сочетании с внезапным падением Корнелиуса Фаджа, привел к его назначению в прошлом году, и в такие моменты, как этот, ему хотелось, чтобы он все еще был молодым новичком, наблюдающим за убежищем какой-нибудь темной ведьмы или волшебника. Это были счастливые дни, сказал он себе, хотя рационально знал, что ностальгия имеет удобную привычку пропускать, когда ему холодно, неудобно или страшно до смерти. Были и те, кому не так повезло, как ему. Руфус видел немало авроров, попавших под темные чары, и — если не теряться в избирательной памяти — прекрасно понимал, что ему лучше там, где он был, несмотря на давление роли.

Я старею, подумал он про себя. Он поймал себя на том, что все больше и больше размышляет о прошлом в эти дни, и не знал, было ли это из-за давления на его нынешней работе или потому, что он все больше осознавал течение времени.

Он знал, что он, вероятно, не был первым выбором большинства людей на пост министра; более вероятно, что он был единственным выбором. Действительно, первые выборы большинства людей были убиты всего несколько недель назад, а магическое сообщество все еще пыталось смириться со смертью Альбуса Дамблдора. Но Дамблдор раз за разом решительно отвергал любые попытки занять эту должность. По-видимому, старику нравилось преподавать в Хогвартсе и заставлять ощущать свое влияние за кулисами Визенгамота. Хотя Руфус не всегда сходил в взглядах со старым директором, он уважал и восхищался этим человеком и — до того, как его назначение на должность вызвало споры между ними — считал его союзником. Дамблдор, несомненно, был волшебником необычайной силы и честности, и его отсутствие будет остро ощущаться в грядущей битве.

Мысли о Дамблдоре заставили Руфуса открыть ящик стола и достать письмо, которое он читал

и перечитывал последние несколько недель. Она оказалась на его столе через два дня после похорон Дамблдора, и он был потрясен, обнаружив, что ее написал сам старик. Снова откинувшись на спинку стула, Руфус просмотрел уже знакомый наклонный почерк и еще раз прочитал его, хотя теперь он почти знал содержание наизусть.

Мой дорогой Руфус,

Если вы читаете это, то, к сожалению, меня больше нет здесь, чтобы помочь вам в предстоящей борьбе. Вы можете быть удивлены, прочитав эти слова; в конце концов, с момента вашего назначения у нас было много споров, но я надеюсь, что вы никогда не сомневались в моем стремлении избавиться от рака, которым является Том Риддл, или в том, что я когда-либо желал вам личного зла. Я всегда спорил с вашими методами, а не с вашими намерениями, которые, я знаю, проистекают из самых благородных побуждений.

Однако я должен умолять вас помнить о том, что я пытался внушить каждому ученику, попавшему под мою опеку. Ты помнишь, Руфус? Я сам учил вас много лет назад, и я надеюсь, что у вас остались такие же теплые воспоминания о тех днях, как и у меня. Я всегда подчеркивал важность делать то, что правильно, а не то, что легко, и я прекрасно понимаю, что крайне важно выбрать правильный путь не только для Министерства, но и для общества в целом. Помните также, что нас определяет наш выбор, а не наши способности.

Я тебе не завидую. Только дурак может позавидовать тому положению, в котором вы сейчас находитесь. Вы возглавляете Министерство в его величайшей борьбе, и вы должны доказать, что способны противостоять давлению, с которым столкнетесь. Я могу только надеяться, что это давление не окажется для вас слишком большим. Помните, помощь всегда придет к тем, кто в ней нуждается.

На этой ноте у меня есть к вам последняя просьба, хотя я знаю, что не имею на это права. Несмотря на это, я умоляю вас помочь Гарри, чем сможете, во всем, о чем он вас попросит. Вы можете задаться вопросом, почему я так верю в мальчика, но я могу заверить вас, что эта вера оправдана. Я не могу вдаваться в подробности, но Гарри — наша лучшая и единственная надежда победить Волдеморта, и вы должны помочь ему. К сожалению, в настоящее время он не особенно расположен к Министерству, и я не могу с чистой совестью винить его. Министерство много раз пыталось манипулировать им в своих целях, а когда это не удалось, очень усложнило ему жизнь. Вы должны преодолеть эту антипатию и заслужить доверие мальчика, потому что, если мы все не объединимся, мы обречены на провал.

Я оставляю вам свои самые искренние пожелания и наилучшие пожелания на будущее.

Вы не должны потерпеть неудачу.

Твой друг (надеюсь) и учитель,

Альбус

Он был удивлен, получив такую корреспонденцию от старика, и она дала ему много пищи для размышлений. Он часто задавался вопросом, почему Дамблдор так настаивал на важности Гарри Поттера в борьбе с Волдемортом. Руфус не был дураком; он прекрасно знал, что публика высоко ценила Поттера после событий, приведших к гибели Темного Лорда 16 лет назад, и он сам пытался связать мальчика с делом Министерства, но это было больше потому, что он ценил пропагандистские преимущества, иметь его внутри. Кроме того, он видел в нем только типичного несовершеннолетнего волшебника. По общему признанию, талантливый, если слухи были правдой; а мальчик тем не менее. Он не смог понять, как Поттер может стать ключом к победе над Волдемортом.

Но ведь Дамблдор тоже не был дураком, и он явно увидел в мальчике что-то такое, чего не заметил сам Руфус. Они много спорили с тех пор, как Руфус стал министром; кое-что, о чем Альбус упоминал в своем письме и о чем теперь сожалел. Источником аргументов неизбежно были методы, которые Руфус пытался использовать для борьбы с Волдемортом. Лишь недавно он ввел чрезвычайные полномочия, давшие ему почти абсолютную власть в волшебной Британии. Министерство теперь имело право задерживать подозреваемых без суда; ввести цензуру в средствах массовой информации, и недавно он отдал приказ подвергнуть подозреваемых Пожирателей смерти Поцелую дементора без соблюдения надлежащей правовой процедуры.

Он использовал очень старый закон, чтобы получить эту власть. Советник указал ему, что измена Короне по-прежнему карается смертной казнью в Британии. как акт измены самой Короне и поэтому мог быть наказан по всей строгости закона. Он знал, что достаточно слабые основания для применения максимального наказания, но этого было достаточно, чтобы протолкнуть закон. Смертная казнь для магглов означала казнь. В магическом мире это означало Поцелуй. Когда об этом стало известно, он стал крайне непопулярен среди многих ведьм и волшебников, но другие полностью одобряли его действия. Кроме того, его никогда не волновала популярность — только результаты.

Во всяком случае, до сих пор.

Руфус когда-то читал работы маггловского философа Аристотеля и был очень поражен высказанным мнением. «Мудрый человек больше заботится об истине, чем о том, что думают люди». С тех пор, как он прочитал это, он всегда старался выполнять свою работу в соответствии с этим убеждением. Его конечной целью было спасение своей цивилизации, поэтому он всегда действовал в соответствии с тем, что считал лучшим для общества в целом; а не то, что было лучше для конкретных людей или групп интересов. Он не позволял личным чувствам преобладать над тем, что необходимо было сделать, и ни на йоту не заботился о том, что другие думают о нем. Так было до тех пор, пока он не получил другое письмо; письмо, которое заставило его проверить свою совесть так, как никогда раньше.

Сунув руку во внутренний карман, он достал послание, которое получил всего несколько дней назад. Устроившись поудобнее, он начал читать.

Дорогой,

Надеюсь, вы простите меня, если я скажу вам то, что, как мне кажется, вы должны знать. Один из мужчин в вашем окружении (преданный друг) был у меня и сказал мне, что существует опасность того, что ваши коллеги и подчиненные не полюбят вас из-за ваших грубых, саркастических и властных манер. Кажется, ваши личные секретари согласились вести себя как школьники и «брать то, что им приходится», а затем убегать от вас, пожимая плечами. Наверху, если предлагается идея (скажем, на конференции), вы должны быть настолько презрительны, что в настоящее время не будет никаких идей, хороших или плохих. Я был удивлен и расстроен, потому что за все эти годы я привык ко всем, кто работал с вами и под вашим началом, любил вас. Я сказал это, и мне ответили: «Без сомнения, это напряжение».

Моя дорогая, я должен признаться, что заметил ухудшение в ваших манерах, и вы не так добры, как раньше.

Это вам отдавать приказы, и если они неумелые — кроме Королевы и директора Хогвартса — вы можете уволить всех и каждого. Поэтому с этой потрясающей мощью вы должны сочетать вежливость, доброту и по возможности олимпийское спокойствие. Терпеть не могу, что те, кто служат Стране и вам, не должны вас любить, восхищаться и уважать, - кроме того, вспыльчивостью и грубостью вы не добьетесь лучших результатов. Это породит рабский менталитет, с которым мы должны бороться.

Пожалуйста, прости свою любящую, преданную и бдительную

Джейн**

Это письмо потрясло его до глубины души. Одно дело игнорировать мнение обычного человека с улицы — кого-то, кого он не знал и о ком не особо заботился на индивидуальной основе (конечно, он заботился о других в более общем смысле). Но таково было мнение его жены; кого-то, кого он любил всем сердцем, и кого-то, чье мнение о нем имело большое значение. Он еще не мог поговорить с ней об этом, потому что большую часть времени с момента первого прочтения письма он провел, исследуя свое поведение и поступки. Он был встревожен тем, что обнаружил, что хочет.

Больше всего на свете Руфус боялся не окончательной победы Волдеморта. Больше его пугала перспектива стать именно тем, кого он пытался победить. Он слышал изречение о том, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», и теперь с запозданием осознавал, что его можно применить и к нему самому. Он был вынужден задать себе очень неудобный вопрос. Насколько далеко во тьму он был готов зайти во имя света?

Он снова подумал о Дамблдоре. Не поэтому ли старик всегда отказывался от Министерства? Разве он не доверял себе власть? Это была страшная мысль.

Когда он впервые получил просьбу Дамблдора помочь Поттеру, он тут же отклонил ее. Мальчик презирал его и дал понять это во время их последней встречи после похорон. Однако, прочитав письмо жены и обдумав свои действия в свете этого, Руфус пришел к довольно тревожному выводу.

Он был дураком. О чем он думал, приближаясь к Поттеру сразу после похорон своего наставника и друга? Едва ли это было подходящее время, чтобы попытаться заставить Гарри передумать помогать Министерству. Он до сих пор морщился, когда думал об этом. Бар мочился на могилу старика, он не мог придумать ничего более неуважительного, чем то, что он сделал. Неудивительно, что Гарри почти сказал ему убираться.

Именно тогда Руфус понял, что его жена может быть права в своем утверждении. Стресс от работы явно действовал на него. Он знал, что не был самым чувствительным человеком, но всегда гордился своей способностью вести за собой, а не управлять; вдохновлять, а не уговаривать. Это то, что он сделал как аврор; почему он не делал этого как министр?

Итак, он наконец пришел к решению. Он выполнит последнюю просьбу Альбуса. Он предложит помощь Гарри, на этот раз безо всяких условий. Если бы мальчик отказался, то, по крайней мере, он мог бы сказать, что пытался. А если Гарри примет его помощь? Тогда он поможет ему, чем сможет, независимо от того, есть ли в этом политический капитал или нет.

Руфус улыбнулся про себя. Он чувствовал себя более похожим на себя, чем когда-либо. Он сделал мысленную пометку послать жене цветы, а затем взял со стола следующую пачку отчетов.

oooooooo

Гарри Поттер лежал на кровати, заложив руки за голову, в своей спальне на Тисовой улице номер четыре и смотрел в потолок. Он был один, как обычно, но на этот раз он обнаружил, что наслаждается вынужденным одиночеством. С тех пор как они вернулись с похорон Дамблдора более четырех недель назад, Дурсли почти не разговаривали с ним, ограничивая разговор требованиями времени приема пищи и домашних дел. На самом деле в этом году не было даже обычного списка дел. Как будто его тетя и дядя почувствовали его новое настроение и действовали соответственно. Они получили письмо от профессора МакГонагалл, в котором сообщалось о безвременной кончине директора, и хотя Вернон не проявил воображения, чтобы осознать последствия, Петунья была потрясена до глубины души.

'Он умер?' — спросила она его, прочитав письмо. Ее напряженные черты выдавали шок от этой новости. 'Как?'

Гарри посмотрел на нее с некоторым сочувствием, которое его удивило. За последний год он несколько смягчился по отношению к ней. Возможно, он смягчился с возрастом. Возможно, ему было жаль, что она потеряла свою сестру, когда он потерял свою мать. Или, может быть, он просто больше не считал их достойными своего презрения. Какой бы ни была причина, глядя на бледное лицо своей тети, он решил, по крайней мере, быть с ней вежливым.

— Его убил один из других профессоров. После этого нас практически выгнали из школы. Не удалось избавиться от нас достаточно быстро.

'Итак, что теперь будет? Разве Дамблдор не был единственным, кого боялся Волдеморт?'

Гарри поднял бровь на это. Он не знал, что было более удивительным; то, что его тетя назвала Волдеморта по имени, или то, что они открыто обсуждали его мир.

'Он был. Вот почему сейчас никто не знает, что делать. Я даже не знаю, откроется ли школа в следующем семестре». Он сделал паузу на мгновение, размышляя, должен ли он рассказать ей о своих намерениях этим летом. Он решил броситься дальше. «Независимо от того, откроется школа или нет, через несколько недель я уеду; уходит навсегда. Уизли пригласили меня на свадьбу своего сына Билла в начале августа, и когда я уеду, я навсегда исчезну из ваших волос. Я думаю, это должно быть в день моего рождения или около него. Вы, наверное, знаете, почему; Я уверен, что Дамблдор сказал тебе. Он не смог сдержать горечь в голосе при этих последних словах, и ему показалось, что тетушка напряглась от его слов. Он не хотел звучать так резко, но не мог удержаться, когда дело касалось его родственников.

Его тетя, по-видимому, восприняла это как намек на то, чтобы закончить дискуссию, и удалилась в гостиную. С тех пор они не говорили ни о чем существенном.

Это было почти месяц назад, и теперь пора уходить. Он взглянул на часы. Одиннадцать тридцать, и они забирали его незадолго до полуночи. Он все еще не знал, кто будет сопровождать его, поскольку Рон не был очень экспансивным в письме, которое он ему послал. За все лето Гарри получил только четыре письма, поэтому решил еще раз прочитать их в надежде найти какую-нибудь подсказку в расплывчатых инструкциях. Кроме того, это поможет скоротать время.

Он порылся в своем сундуке и вынул письмо с верха стопки. Этот был от Рона.

Гарри,

Как дела? Надеюсь, магглы не слишком вас расстраивают.

В последнее время здесь что-то сумасшедшее. Мама сходит с ума со всеми приготовлениями к свадьбе — я имею в виду, сколько работы это на самом деле требует? Она заставила меня и Джинни работать на износ все лето, чтобы место было «подходящим» для наших гостей — что бы это ни значило.

И говоря о Джинни, она говорит привет. Я не знаю точно, что ты сказал ей после похорон, но все лето она была настоящим несчастьем. Надеюсь, ты сможешь разобраться.

В любом случае, причина, по которой я пишу, в том, что папа говорит, что ты должен собраться и быть готовым к работе за пять минут до полуночи тридцатого числа (то есть за пять минут до твоего дня рождения), так как тогда ты приедешь к нам. Итак, убедитесь, что вы ничего не забыли.

Не могу дождаться, чтобы увидеть вас.

Рон

Так и было. Никаких новостей о том, что происходит в волшебном мире, и никаких указаний на то, что Волдеморт двигается. Гарри решил, что отсутствие новостей, вероятно, было хорошей новостью, но, поскольку у него не было доступа ни к каким магическим публикациям, волшебный мир мог закончиться, насколько он знал. Он знал, что его друзья, вероятно, получили указание от Ордена не записывать ничего, что могло бы скомпрометировать их, попав в руки врага, но, тем не менее, это его расстраивало.

Следующее письмо в стопке, от Джинни, было немногим лучше, но, по крайней мере, оно было личным, даже если ему было неудобно.

Гарри,

Должен признаться, что наш разговор после похорон Дамблдора привел меня в некоторое замешательство и, если честно, немного в ярость. Я знаю, что у тебя сейчас есть веские причины порвать со мной, но я решил, что этих причин недостаточно. В данный момент я оглядываю Нору и вижу приготовления к свадьбе Билла и Флер, и это заставляет меня понять, что мы должны захватить то, что у нас есть сегодня, потому что завтра у нас может не быть этого. Твои собственные родители поженились и родили тебя посреди последней войны, и я думаю, что они должны быть примером для всех нас. Конечно, мы должны попытаться достичь немного счастья, где мы можем?

Я знаю, что ты скоро покинешь дом Дурслей, и я надеюсь, что у нас будет возможность обсудить это лично. Надеюсь, ты понимаешь, как сильно я забочусь о тебе и что мы можем справиться с этой задачей даже в эти опасные времена. Я хочу, чтобы вы знали, что я готов помочь вам всем, чем смогу.

Заботиться.

Любовь

Джинни

Гарри минуту задумчиво смотрел на это письмо, прежде чем снова его сложить. Он не был уверен, что с этим делать, или даже со своими чувствами к Джинни в данный момент. Когда он решил порвать с ней после похорон, он испытал чувство разочарования и утраты, но теперь ему пришло в голову, что эти чувства оказались лишь мимолетными. Он почти не думал о ней с тех пор, как прибыл на Тисовую улицу, и теперь ему было интересно, что именно он чувствовал к ней? Не было никаких сомнений в том, что он получил огромное удовольствие от их совместного времяпрепровождения, и он все еще задавался вопросом о приступах ревности, которые он испытывал, когда она встречалась с Дином, но когда он размышлял над ее письмом, он понял, что она думала о нем больше, чем он. Ее аргументы были здравыми; в это время люди должны ловить момент, но он начал понимать, что дело было не во времени. Если он чувствовал что-то вроде всепоглощающей любви и желания к кому-то, то, как он

полагал, у него все получится. Это было в его природе; всю свою жизнь он действовал импульсивно и не думал, что будет иначе, когда дело дойдет до романтики. Так что проблема была не во времени. Это была Джинни. Вернее, так он относился к Джинни.

Он любил Джинни — в этом не было никаких сомнений — но подозревал, что в их отношениях есть нечто большее, чем намёк на семейную любовь, и в этом была проблема. Он понял, что ему нужно поговорить об этом со своими друзьями. Это может оказаться неловко с Роном, так как у него был конфликт интересов по этому поводу, поэтому ему придется подождать, пока у него не появится возможность поговорить с Гермионой.

Гермиона.

Мысль о ней заставила его вытащить письмо, которое он получил от нее только вчера. Как ни странно, оно пришло обычной почтой, а не с совой, но он подозревал, что это мера безопасности. Он начал задаваться вопросом, остались ли они такими же хорошими друзьями, несмотря на ее обещание на похоронах оставаться с ним, что бы он ни решил сделать. Почти месяц ожидания известий от нее навел его на мысль, что она, возможно, пыталась установить некоторую дистанцию между ними. В прошлом году в школе старались для всех, но он все еще чувствовал себя немного расстроенным из-за того, что его друзья, казалось бы, бросили его и отказывались серьезно относиться к его подозрениям в отношении Малфоя и Снейпа. У него не было чувства оправдания того, что он оказался прав, поскольку Дамблдор умер, и это была слишком высокая цена. А потом было целое Принц-полукровка. Гермиона казалась искренне расстроенной, потому что благодаря книге он получил лучшие оценки по зельям, чем она. Это удивило его; Гермиона никогда не казалась ему завистливой, и он до сих пор не мог этого понять. Он предложил поделиться с ней знаниями и понял ее отказ; она была приверженцем правил. Но это еще не объясняло некоторой холодности, которую он испытывал от нее в прошлом году. Он задавался вопросом, считала ли она его все еще ответственным за то, что он чуть не умер в Министерстве в конце их пятого года из-за его «дело спасения людей»

Это все еще причиняло ему боль. Прежде всего, он не хотел, чтобы кто-то пострадал или даже умер из-за него. Обижалась ли она на него за то, что он привел их в Министерство? Доверяла ли она ему больше? Он знал, что не сможет выполнить поставленную перед ним задачу без помощи Гермионы и Рона, но он также знал, что не хочет, чтобы они подвергались опасности из-за него. Этим летом он много думал о Роне и Гермионе.

Он не знал, было ли что-то между ними. Конечно, их действия в прошлом году казались им обоим совершенно не характерными. Кратковременный флирт Рона с Лавандой был тяжелым испытанием для всех, но Гермиона, похоже, возражала против таких отношений. Он полагал, что это могло быть связано с тем, что Гермиона питала романтические чувства к Рону, но они не сошлись после отравления Рона и последующего разрыва с Лавандой. Он не знал, как он относился к двум его лучшим друзьям, вступившим в романтические отношения, опасаясь, что он может стать третьим лишним в группе. Идея не казалась такой уж плохой, когда он был с Джинни, но мысль о том, что Рон и Гермиона будут вместе, вызвала у него легкое неприятное чувство в животе, которое он не мог точно определить.

Он не думал, что испытывает романтические чувства к Гермионе. Он знал, что ему определенно нужна ее дружба. Действительно, он часто думал, что она была скалой, которая

заземляла его всякий раз, когда он чувствовал, что теряет контроль. Возможно, он возмущался некоторыми ее придирками на протяжении многих лет, но он знал, что она действует как его совесть всякий раз, когда он решает игнорировать свою собственную. Она была несомненно хороша собой, и умна, и честна, и добра; и у него определенно были сильные чувства к ней, но разве не нормально так относиться к своему лучшему другу? Он знал одну вещь. Он скучал по ней; ему нужно было поговорить с ней, и, если быть честным с самим собой, он ждал встречи с ней больше, чем с Роном, или Джинни, или кем-либо еще, если уж на то пошло.

Он просто хотел бы знать, почему.

Он перечитал ее письмо, ища ответы, хотя и не был уверен в вопросах.

Гарри,

Я надеюсь, что вы хорошо проводите лето и что ваши родственники хорошо к вам относятся. Завтра я пойду в Нору, так что к тому времени, когда ты получишь это, я уже буду помогать с подготовкой к свадьбе. У меня было хорошее лето, учитывая все, что произошло, и было здорово провести некоторое время с моими родителями.

Сожалею, что не смогу сообщить вам много новостей в этом письме — нас предупредили не вдаваться в подробности в нашей переписке, а жаль, потому что вам, наверное, о многом следует знать. Это письмо просто для того, чтобы вы знали, что я думаю о вас.

Нам предстоит о многом поговорить, и я хочу кое-что тебе сказать, так что оставайся в безопасности, пока мы тебя не увидим.

Любовь

Гермиона

Он все еще не знал, что это значит. Он понятия не имел, о чем она хочет с ним поговорить и какие новости, по ее мнению, он должен знать. Разочарование убивало его, и он с предчувствием ждал отъезда. В ее письме, казалось, было больше вопросов, чем ответов, и он надеялся вскоре получить возможность высказаться.

Он взглянул на часы; одиннадцать сорок восемь. До прибытия его эскорта оставалось всего семь минут. Он уже собрался и, оглядев комнату, в которой прожил последние шесть лет (он уж точно не назвал бы ее домом), обнаружил, что ничего не чувствует. Гардероб был пуст, стены голые. Клетка Хедвиги была пуста (ранее он позволил ей самой добраться до Норы), и, кроме этого, не было никаких доказательств того, что он вообще жил в этом доме.

Эта мысль заставила его слегка вздрогнуть. Скоро он уйдет отсюда, не оставив следа, и он задавался вопросом, будет ли это его судьба в жизни. Он знал, что добился определенной

известности, но рассматривал возможность того, что если Волдеморт добьется успеха, то может показаться, что его никогда не существовало.

Летом у него было много таких черных мыслей. Объективно он знал, что это реакция на смерть Дамблдора, но попытки рационализировать свое мрачное настроение были бесполезны, поскольку этот процесс не облегчил его депрессию. Он изо всех сил пытался смириться с событиями той ночи все лето, и его настроение не улучшилось из-за получения очень неожиданного письма, которое он получил через два дня после возвращения на Тисовую улицу.

Полез в свой сундук, он вынул это письмо из стопки.

Гарри,

Если вы читаете это, значит, я знаю, что произошло что-то нехорошее, и что сейчас я отправляюсь в следующее великое приключение. В таком случае я призываю вас не оплакивать мою кончину, а скорее продолжать с хорошим настроением. У меня была долгая и насыщенная жизнь, и я благодарен за это благословение. Я сожалею только о том, что меня нет рядом, чтобы помочь вам в борьбе с Томом, и именно по этой причине я оставил это письмо с указанием передать его вам в случае моей смерти.

Прежде всего, Гарри, я хочу, чтобы ты продолжил свою охоту с того места, где мы остановились. Я приложил некоторые мелочи, которые, я надеюсь, помогут вам в ваших поисках. Теперь они ваши, и, поскольку я определенно недоступен, вы не можете вернуть их мне. Используйте их правильно.

Во-вторых, важно, чтобы вы продолжали доверять мистеру Уизли и мисс Грейнджер. Я знаю, что у вас могут быть определенные сомнения по поводу привлечения их к охоте, но вы должны игнорировать их. Они ваши друзья, и они вам понадобятся до конца. Я позволил тебе сообщить им по одной причине, Гарри, и эта причина в том, что я знаю, что ты не можешь сделать это в одиночку.

На этой ноте у меня есть к тебе еще одна просьба, Гарри. Я призываю вас обратиться за помощью к Министерству, если сможете, в частности, за помощью к Руфусу. Я знаю, что вы невысокого мнения о Министерстве, и на то есть веские причины, но я умоляю вас не отказываться от любой помощи, которую они могут предоставить. Что касается Руфуса; хотя мы с ним не всегда сходились во взглядах — особенно в том, что касалось вас, — я считал его хорошим человеком и тем, кто будет бороться с Томом изо всех сил. Если он предложит тебе оливковую ветвь, Гарри, умоляю тебя, не бросай ее ему в лицо.

И, наконец, Гарри, я хочу попрощаться. Я не буду прощаться, так как возлагаю большие надежды на то, что мы когда-нибудь встретимся снова, но, надеюсь, ненадолго. Я также хочу поблагодарить тебя, Гарри, за возвращение жизни и надежды старику. Для меня было величайшей привилегией узнать и полюбить вас, и я полностью уверен, что вы преуспеете в предстоящей задаче.

Заботиться

Ваш друг

Альбус

Гарри положил письмо обратно на дно сундука вместе с остальными и с «вещами», которые оставил ему Дамблдор. Он даже не взглянул на то, что ему осталось, предпочитая вместо этого подождать, пока он не останется наедине с Роном и Гермионой. Был также тот факт, что он все еще был зол на старика и не был в настроении удовлетворять его просьбы в данный момент. Все лето он пытался справиться с утратой и знал, что еще не оправился от горечи, которая поднималась в нем каждый раз, когда он думал об этом. Он надеялся, что смена обстановки и какая-нибудь компания помогут ему преодолеть это.

Помня об этом, он снова взглянул на часы; одиннадцать пятьдесят четыре. Пора идти.

С этой мыслью он схватил свой чемодан и клетку Хедвиг и направился вниз по лестнице.

Когда Гарри открыл дверь в гостиную, он с удивлением обнаружил, что Дурсли сидят на диване и одеты в то, что Петуния обычно называла «лучшим для воскресенья». Честно говоря, он не знал, чего ожидать, но, учитывая, что была почти полночь и что он, наконец, уезжал, формальный комитет по отъезду был не тем, что он предполагал.

Словно прочитав его мысли, Вернон рявкнул: — Не думай, что это для твоего блага, мальчик. Ваш причудливый тип может не знать значения слова «стандарты», но к нам приходят посетители, и мы примем их должным образом, независимо от того, что мы о них думаем.

Он звучал нервно, и Гарри вряд ли мог его винить. Во время своих предыдущих встреч с волшебным миром Вернона преследовала стая сов; его сын превратился в наполовину свинью (небольшое изменение, можно сказать); его гостиная была разрушена, и ему угрожала настоящая банда ведьм и волшебников посреди вокзала Кингс-Кросс. Гарри почти стало его жаль.

Почти.

Тут-то он и заметил, что в углу лежит большая куча чемоданов, а поверх них лежат три куртки. Оказалось, что Дурсли тоже куда-то собирались.

Он хотел спросить их об этом, но прежде чем он успел открыть рот, раздался стук в парадную дверь, и он бросился открывать ее.

— Вотчер, Гарри, — раздалось знакомое приветствие Тонкс, когда она перешагнула порог и вышла в коридор. Он был рад видеть, что сегодня вечером ее волосы были очень мрачно-

черными, а ее дорожный плащ аккуратно облегал ее фигуру. На самом деле она выглядела респектабельно, и он решил, что она приложила усилия, чтобы свести к минимуму неудобства Дурслей, насколько это было возможно. Он сделал мысленную пометку поблагодарить ее позже.

Он попытался закрыть дверь, но ему помешала нога, благоразумно поставленная между дверью и косяком.

— Поттер, — последовало короткое приветствие, и Гарри вздрогнул, увидев, как Грозный Глаз Хмури, хромя, пробирается в дом. С его деревянной ногой, покрытыми шрамами чертами лица и волшебным блуждающим взглядом он выглядел так, словно чувствовал себя как дома на палубе пиратского корабля восемнадцатого века, а не в самом сердце английских пригородов. Поморщившись, Гарри понял, что все усилия Тонкс были напрасны. Она могла бы одеться как Злая Ведьма Запада, и никто не заметил бы ее рядом с Грозным Глазом.

Следующим после Хмури был Кингсли Шеклболт, который коротко кивнул Гарри, проходя мимо. За ним внимательно следил один из старых профессоров Гарри.

— Лунатик! — воскликнул Гарри и расплылся в первой искренней улыбке за последние месяцы.

— Привет, Гарри, — серьезно ответил Луни. — Рад снова вас видеть, но сейчас у нас нет времени на любезности. У нас плотный график». Гарри начал чувствовать себя немного обиженным из-за этого, но не смог выйти из себя, когда лицо старшего мужчины расплылось в ухмылке, и он быстро обнял его.

'Не волнуйся; будет много времени, чтобы наверстать упущенное позже. Обещаю.' И с этими словами он прошел мимо Гарри в гостиную.

Убедившись, что никто больше не пытается войти, Гарри закрыл дверь и присоединился к остальным. Он заметил, что его родственники встали, чтобы «приветствовать» своих посетителей, но все стояли вокруг неловко, как будто решив сделать вид, что ничего необычного не происходит.

— Верно, Поттер, — начал Грюм без предисловий, — план вам известен. Кингсли и я уедем с вашими родственниками, чтобы отвезти их на конспиративную квартиру. Тонкс отвезет ваш багаж в Нору...

«Девушка из службы доставки. Это все, чем я кажусь в эти дни... — пробормотала Тонкс на заднем плане.

— ...КАК Я ГОВОРИЛ, — продолжил Грюм, сурово взглянув в сторону Тонкс, — Тонкс отвезет ваш багаж в Нору, и Ремус тоже будет аппарировать вас туда же. Нам нужно будет сделать это ровно в полночь, потому что к тому времени вам исполнится семнадцать, и Министерство не

сможет предъявить вам обвинение за использование магии несовершеннолетними. Если мы правильно рассчитываем время, мы уйдем задолго до того, как сюда доберется Сам-Знаешь-Кто или любой из его Пожирателей Смерти. Время сейчас одиннадцать пятьдесят семь, так что у вас есть чуть меньше трех минут, чтобы попрощаться, и мы пошли. Понял?'

'Нет.'

Грюм, который повернулся, чтобы поговорить с Тонкс, внезапно повернулся лицом к Гарри. Его глаз повернулся первым, немного опередив остальную часть головы. Эффект был слегка дезориентирующим.

— Что ты имеешь в виду под «нет»? — прорычал он. «Это довольно просто, я бы подумал. Я только что обсудил с тобой план.

«Я имею в виду «нет», потому что все лето я практически ни от кого не получал сообщений». Вспыльчивость Гарри начала подниматься, но он продолжил. «Все, что я получил, — это расплывчатое письмо от Рона, в котором он просил меня быть готовым уйти сегодня в полночь. Я понятия не имею ни о чем другом.

— О, письмо, — ответил Грюм, печально покачав головой. — Не могу поверить, что мы позволили сыну Артура послать тебе письмо с указанием времени отъезда. Кажется, в наши дни никто не заботится о безопасности.

— Отстань, Грозный Глаз! — взорвалась Тонкс, которую до сих пор, казалось, весьма забавляло поведение старого аврора. «Я сама взяла сову сюда, когда снова исполняла обязанности курьера, и не выпускала ее, пока не оказалась в конце сада. Я был невидим все это время и не видел, чтобы Пожиратели Смерти выпрыгивали из розовых кустов, чтобы перехватить его. Она скрестила руки на груди, словно вопреки критике Грюма.

'Достаточно!' — закричал Люпин, который смотрел то на Грозного Глаза, то на Тонкс, словно побуждая их продолжать. — Послушай, Гарри, — продолжил он более мягким тоном, обращаясь к сыну своих друзей, — сейчас я постараюсь объяснить побыстрее, но подробностей тебе придется подождать. Он на мгновение замолчал, словно решая, что сказать дальше.

— Мы знаем, что защита твоей матери заканчивается, когда тебе исполняется семнадцать, — об этом нам рассказал Альбус. Теперь мы не могли быть уверены, что он истекает ровно в тот час, когда вам исполняется семнадцать, поэтому решили не рисковать и вытащить вас в полночь тридцать первого. Недавно в Министерстве произошли большие изменения, так что мы не можем рисковать тем, что вам будет предъявлено обвинение в использовании несовершеннолетней магии. Вот почему мы не пытались сделать это раньше. Ваши родственники тоже должны уйти, потому что, как только защита будет снята, они окажутся во власти Волдеморта. Мы не можем рисковать, оставляя их, так как они, вероятно, будут подвергнуты пыткам, чтобы раскрыть ваше местонахождение».

'Пытка?' Вернон взорвался. «Никто ничего не говорил о пытках. Что это означает? С меня

достаточно, что вы, люди, разрушаете наши жизни. Если...'

'Что будет делать.' Это было сказано спокойно, но с глубоким авторитетом, который Кингсли мог привнести в дискуссию, и это остановило Вернона. «У нас действительно нет на это времени. У нас чуть больше минуты, чтобы выбраться отсюда. Могу я предложить Гарри попрощаться со своей семьей, а потом мы сможем собрать все и уйти?»

Это было сказано вежливо, но, похоже, всех встряхнуло. Гарри повернулся, чтобы посмотреть на Дурслей в поисках того, что, как он внезапно понял, могло быть в последний раз. Он не знал, плохо это или нет, но понял, что не может ничего им сказать.

Вместо этого он подошел к Вернону и протянул руку. 'Удачи.'

Его дядя выглядел так, будто пренебрег бы даже этим символическим жестом, но после быстрого взгляда на Грозного Глаза и Кингсли, похоже, передумал. Он быстро пожал руку Гарри, прежде чем подойти к своему багажу и натянуть пальто. Дадли быстро последовал за ним и сделал то же самое.

Гарри повернулся к тете. Казалось, у нее был внутренний спор с самой собой, но, в конце концов, она, казалось, пришла к решению, и ее обычно суровые черты лица немного смягчились.

— Будь осторожен, Гарри, — сказала она. Она выглядела так, словно могла на секунду обнять его, но передумала и пошла к мужу и сыну. Однако, проходя мимо, она положила руку на плечо Гарри и слегка сжала его. Это был единственный знак привязанности или утешения, который она когда-либо показывала ему.

— Двадцать секунд, — сказал Грозный Глаз, пристально глядя на часы, словно ища в них тайну бессмертия. Гарри просто стоял и смотрел на своих родственников через комнату.

— Держись крепче, — сказал Люпин, переплетая свою руку с рукой Гарри. «Не отпускай».

— Десять секунд, — сказал Грозный Глаз. 'Приготовься.'

Гарри в последний раз взглянул на своих родственников. Удивительно, но Дадли выглядел так, будто что-то обсуждал. Наконец он поднял голову, когда Грюм начал отсчет с пяти.

— Спасибо, что спас меня от этих дементоров, — внезапно сказал он.

Гарри был слишком удивлен, чтобы сразу ответить. Как только он обрел голос, он услышал, как Грюм кричит: «СЕЙЧАС!» и со знакомым скручивающим ощущением внутри, и после громкого треска, он обнаружил, что стоит перед задней дверью Норы.

<http://tl.rulate.ru/book/80408/2444007>